

Цыганков Дмитрий Андреевич,
канд. ист. наук,
доцент кафедры истории России XIX —
нач. XX в. Исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, г. Москва,
Ломоносовский просп., 27, корп. 4;
ст. науч. сотрудник лаборатории
социально-антропологических исследований
факультета исторических
и политических наук,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050,
Томск, пр. Ленина, 36
tsdm@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3005-503X

Андреев Андрей Юрьевич,
д-р ист. наук,
проф. кафедры истории России XIX —
нач. XX в. Исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, 119192, г. Москва,
Ломоносовский просп., 27, корп. 4;
вед. науч. сотрудник лаборатории
социально-антропологических исследований
факультета исторических и политических наук,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050,
Томск, пр. Ленина, 36
andrv@hist.msu.ru
ORCID: 0000-001-7075-6637

Наумов Павел Юрьевич,
мл. науч. сотрудник лаборатории
социально-антропологических исследований
факультета исторических и политических наук,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050,
Томск, пр. Ленина, 36
pavel_fesm_1922@mail.ru
ORCID: 0000-00024353-8711

КРЫЛОВСКАЯ ИСТОРИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИКИ ПРОФЕССОРСКОГО СЛУЖЕНИЯ*

Д. А. ЦЫГАНКОВ, А. Ю. АНДРЕЕВ, П. Ю. НАУМОВ
(ПУБЛИКАЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
КОММЕНТАРИИ И ПЕРЕВОД)

Аннотация: Крыловская история, последствия которой обсуждаются в письмах попечителя Московского учебного округа Павла Дмитриевича Голохвастова министру народного просвещения графу Сергею Семеновичу Уварову, может быть прочитана на разных уровнях и в зависимости от этого подвергнута разной исследовательской трактовке. Так, один из первых ее исследователей — Н. П. Барсуков — считал ее частной семейной историей, не имеющей отношения к университетскому пространству, но вслед за религиозными спорами Т. Н. Грановского и А. И. Герцена в 1845 и 1846 гг., подрывающей основы един-

* Статья написана в рамках проекта РНФ 18–18–00121/2018 «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII — начало XX в.)».

ства кружка западников. Д. А. Цыганков, напротив, полагает конфликт вокруг Крылова знаковым событием в истории университета, отделяющим эпоху Великих споров 1840-х от эпохи «мрачного семилетия». Однако, как бы ни оценивать крыловскую историю, практически нет исследований, которые уточняют хронологию событий, связанную с этим конфликтом. Публикуемые ниже документы вместе с уже введенными в научный оборот, но недостаточно изученными свидетельствами на эту тему позволяют более детально рассмотреть эту университетскую историю. Начавшись в августе 1846 г., крыловская история держала в напряжении втянутые в нее лица до лета 1848 г. Рассматриваемая ситуация показывает университетское пространство крайне конфликтным, непредсказуемым, подверженным резким изменениям.

Ключевые слова: крыловская история, университетское пространство, Великие споры 1840-х, мрачное семилетие, Т. Н. Грановский.

Крыловская история хорошо известна благодаря прежде всего мемуарным свидетельствам¹, реже — письмам². Предпринимались попытки ее детального рассмотрения³, однако комплексного исследования темы, ее объемного изучения все еще нет. Скажем, практически полностью отсутствует взгляд на проблему со стороны университетского начальства и Министерства народного просвещения. Подготовленные для публикации письма во многом восполняют этот пробел. Однако одна из главных задач предисловия к публикации — дать выверенную хронологию событий.

В августе 1846 г. на даче в Ивановке под Москвой между супругами Крыловыми — мужем, профессором кафедры римской истории и деканом юридического факультета Никитой Ивановичем Крыловым, и его женой, Любовью Федоровной (в девичестве — Корш), произошла грязная история. Муж в нетрезвом состоянии бегал за женой по дому и двору и таскал ее за волосы. При содействии младшего брата, студента Московского университета Валентина Корша, Любовь бежала к своей сестре Антонине, жене адъюнкта Московского университета Константина Дмитриевича Кавелина. Тот рассказал о случившемся своим друзьям — П. Г. Редкину, Т. Н. Грановскому, Е. Ф. Коршу. Тогда же жена Крылова подтвердила друзьям ходившие по Москве слухи, что ее муж брал взятки со студентов.

Как вспоминал впоследствии С. М. Соловьев, «Кавелин, Корш, Грановский, Редкин и весь западный кружок вооружились и объявили, что если Крылов останется в университете, то они выйдут из службы, ибо со взяточником, позорящим профессорское звание, они служить не хотят»⁴. С начала учебного года «Редкин, Кавелин и Крылов прекратили лекции; первые потому, что дума-

¹ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Сочинения. Кн. XVIII. М., 1995; Афанасьев А. Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 249–280.

² См., например: Письмо К. Д. Кавелина С. С. Уварову / предисл. и публ. В. М. Боковой // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1999. № 2. С. 107–112.

³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. СПб., 1894. Т. 8. С. 364; Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 175–181; Цыганков Д. А. Упившись винами до бесстыдства... // Родина. 2014. № 9. С. 73–76.

⁴ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. С. 603.

ли оставить университет, а последний — вследствие общего шума, наделанного всей этой историей, что и продолжалось около 3-х месяцев»⁵.

Подобное поведение профессоров было возможно, судя по всему, потому, что в Москве отсутствовал попечитель граф Сергей Григорьевич Строганов. Его возвращение в первопрестольную заставило конфликтующие стороны вернуться на кафедры. Особенно тяжело это было сделать Крылову, поскольку он боялся обструкции со стороны студентов. Профессор-юрист явился на лекцию «худой и бледный, точно после болезни», но все прошло тихо, поскольку инспектор студентов Платон Степанович Нахимов вместе с двумя субинспекторами лично сопровождал специалиста по римскому праву в аудиторию и оставался на занятии до его окончания⁶. Ход занятий в университете администрация таким образом восстановила.

Граф Сергей Григорьевич Строганов был сильно рассержен: «...скандал в Московском университете, гадкая история между людьми, которых он уважал, которыми он гордился, хвастался, торжество ненавидимых славянофилов, которые возликовали от скандала между западниками, — все это его очень раздосадовало»⁷. Граф посчитал виновным в происшествии Кавелина. Он не верил в оговоры Крылова и возможно получил от близких к Крылову людей сведения, что на Кавелина как виновника случившегося указывает сама Любовь Корш, писавшая к мужу — Н. И. Крылову — письма с просьбой все вернуть на круги своя, жить тихо и счастливо. В. П. Боткин писал Анненкову 19 июля 1847 г.: «Возвращаюсь опять к истории Крылова: она лежит у меня на сердце и возмущает его. Представьте! Жена Крылова недавно писала к нему беспрестанно письма, умоляла взять ее к себе, обвиняет Кавелина в том, что он увез ее от мужа, даже грозит им; об этих письмах Строганов намекал даже Кавелину, прибавивши: “Ваша сестра дурно делает”. Всем этим Крылов, разумеется, пользуется; он в свое оправдание показывает письма жены Строганову; Строганов настаивает на своем. И вот из какой женщины вышла вся эта история, которая принудит Грановского, Кавелина и Редкина оставить Университет. У меня сердце надрывается от досады. Но ради Бога, пусть об этом Герцен ни слова не говорит в своих письмах в Москву, то есть, об этих письмах жены Крылова к мужу»⁸.

Уже после увольнения из университета в письме-объяснении для министра Уварова Кавелин утверждал, что он не стремился к тому, чтобы семейную склоку превратить в университетский конфликт, и возлагал всю вину за случившееся на Крылова. Тот якобы сам политизировал происходящее, сведя к интриге против себя свои служебные преступления и семейные отношения⁹.

Позиция же Строганова, которую в письмах Уварову излагает Голохвастов, заключалась в том, чтобы сам Крылов, понимая всю невозможность своего нахождения в университете, должен был попроситься о переводе. Кроме того,

⁵ Афанасьев А. Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников М., 1989. С. 264.

⁶ Там же. С. 264–265.

⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 603.

⁸ П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. Т. 1. С. 544–545.

⁹ Письмо К. Д. Кавелина С. С. Уварову. С. 110–111.

Строганову важно было обставить дело таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он действует под нажимом университетских служащих. Это заставило Сергея Григорьевича выжидать решения профессора римского права, в то время как Грановский и его друзья в свою очередь ждали благоприятного для себя разрешения событий со стороны попечителя.

На первые роли вышел Крылов. Как вспоминал Соловьев, Крылов «выказал всю мелочность и грязность своей душонки: сначала был ошеломлен, впал в отчаяние, перестал ходить на лекции, потом начал подличать, доносить на своих товарищей, что они безбожники, развратники и проч., рассказывать то же самое про свою жену и братьев; ездил с этими доносами к Филарету, перекинулся к Погодину, притворился православным русским человеком»¹⁰.

Благодаря М. П. Погодину и его связям о скандале было доложено министру народного просвещения Уварову. Изначально этого, вероятнее всего, хотел сам Крылов¹¹, опасавшийся увольнения из Москвы. Позже от этой услуги, предлагаемой Погодиным, Крылов начал отказываться, но интрига, в которую его уже втянул Михаил Петрович, имевший зуб на Строганова, который фактически уволил его из Московского университета, предпочтя ему на кафедре российской истории Сергея Михайловича Соловьева, своего достигла: министр народного просвещения встал на сторону Крылова.

Своего пика ситуация достигла в июле—августе 1847 г. В середине лета 1847 г. В. П. Боткин в письме В. Г. Белинскому и П. В. Анненкову писал: «Дело Крылова очень заставляет меня опасаться за наш кружок. Оно нисколько не принимает лучшего вида; напротив, недавно Строганов говорил Кавелину, что все должно оставаться по-прежнему. Если так, то Кавелину, Коршу и Грановскому надобно будет оставить Москву, потому что где же им служить в Москве?»¹². Чуть позже в письме к Краевскому Василий Петрович заметил: «Дело Крылова должно решиться на днях. И представьте: может статья, решиться выходом Грановского, Кавелина, Редкина и Корша! Но граф Строганов сам попал в тень, желая все уладить, и думал, что Крылов сам перейдет в другой Университет. Послезавтра едут к Строганову с решительным объяснением»¹³. В августовском письме Анненкову Боткин сообщал: «Они готовились уже подать свои прошения об отставке, но за два дня Грановский счел за приличное известить Строганова письмом по-французски о их решимости. И только поставленный в такую дилемму, принужден был наконец действовать Строганов, которого главную целию было — уладить все по-прежнему... Смешно было, что Строганов, объявивши им, что Крылов подал прошение об отставке¹⁴, сделал им, как говорится,

¹⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 603—604.

¹¹ См. письмо Крылова к Погодину: «Не говорите Грудеву об моих делах. И письмо Ваше к Министру считаю теперь излишним. Во мне вдруг родилось столько доверия к Промыслу о своей невинности, что не нужно прибегать к чужой помощи. Сохраните тайну наших разговоров. Вы всегда отзывались в моей душе прямо и глубоко». Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 8. С. 376.

¹² Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 275.

¹³ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 86—88.

¹⁴ Интересно отметить, что Голохвастов ничего о прошении Крылова об отставке в письме к Уварову не сообщает.

нотацию за то, что они принудили его “повернуть круто”. Вот что! Да они ждали целый год, и если Строганов не принужден бы был наконец выбирать между Крыловым и ими, он бы по ужасной нерешительности своей Бог знает на сколько лет оставил бы все дело *in statu quo*»¹⁵.

Судя по всему, в архиве Грановского сохранился черновик письма к Строганову, решивший все дело, который публикаторы неверно датировали началом 1848 года. Приведем его полностью:

Поскольку профессор Редкин сообщил нам результаты последнего разговора с Вашим Сиятельством, я беру на себя смелость написать Вам, чтобы дать знать, так как Вы этого хотели, что послезавтра мы будем иметь честь представить наше прошение в руки ректора.

Наши мотивы Вам известны, господин граф. Не без внутренней борьбы и огорчения решили мы действовать таким образом, как мы поступаем. Мы ставим под удар не только наше материальное состояние, но, возможно, мы разрушаем и наше душевное состояние, отрекаясь от деятельности, которую мы не имеем надежды обрести где-нибудь еще. Однако я могу сказать за себя, также как и за моих друзей, что эти соображения имеют на нас только то влияние, что мы боимся поставить Вас в неловкое положение. Эта боязнь заставила нас колебаться и ждать до сего момента. Теперь, когда наши рапорты об отставке отправлены, мы можем говорить открыто о нашем уважении и преданности к Вам лично.

Мы бы организовали разбирательство и не прибегая к Вашему вмешательству, но характер профессора Крылова сделал это невозможным. Не пеняйте нам на то, что мы этого хотели. Мы научились ценить счастье служить под началом такого человека как Вы, и каковы бы ни были наши дальнейшие жизненные пути, мы пронесем глубочайшую благодарность, как потому что каждый из нас лично обязан Вам, так и за все то, что Вы сделали для образования и будущего нашей страны. Мы оградили бы Вас от вмешательства в эту печальную историю. Таковы были наши намерения с самого начала. Однако бесстыдство профессора Крылова сделало это невозможным. Его навязчивое желание сохранить место, которое, по нашему мнению, он обесчестил, наложило на нас обязанность публично протестовать.

Мы очень хорошо осознаем все последствия поступка, который стоит вне обычаев нашего общества. Не личная ненависть вооружила нас против профессора Крылова. Он находил в нас пламенных защитников до тех пор, пока его вина не была доказана. Даже в настоящий момент мы готовы отдать справедливость его талантам, но мы полагаем, что мы можем сказать без выспренности, что он не достоин того, чтобы мы были его коллегами. Можно было бы упомянуть других членов университета, качества которых вызывают сомнения, но это люди другого поколения, люди устарелые по сравнению с нами, и с которыми мы не можем иметь ничего общего. Но случай профессора Крылова другой. Он был одним из тех, кто внес наи-

¹⁵ См.: Письмо В. П. Боткина П. В. Анненкову от 24 и 25 августа 1847 года // П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. С. 544–545.

большой вклад в возрождение университета. Он был одним из самых замечательных представителей новых научных тенденций; он не может скрыться за своим возрастом и за своей ничтожностью. Тем не менее этот человек допустил грубое обращение со своей женой и посвятил весь город в секреты своих постыдных сделок со студентами.

Покидая университет, мы уносим с собой сознание, что оказали ему некоторые услуги нашим присутствием и, возможно, еще более тем, как удаляемся из него. Мы знаем, что наши места недолго останутся незамещенными. Мы сделали все, что могли, чтобы приготовить своих преемников. Более молодые, более богатые в средствах к развитию, которых мы были лишены с самого начала (в начале нашего пути), они не заставят сожалеть о нас с точки зрения науки и талантов, но они отдадут должное примеру, который мы им передаем. Этот пример не пропадет для юных поколений. Они увидят, что отныне профессор не может быть порочен безнаказанно, если даже, по-видимому, внешне наказание и не достигнет его. Они будут иметь более веры в своих будущих воспитателей, вспоминая о тех, которые принесли в жертву все свое настоящее и будущее чувству своего долга относительно университета¹⁶.

Однако положительного финала для Грановского и его товарищей не последовало. Осенью 1847 г. Боткин писал А. А. Краевскому: «У нас на счет Крылова слухи замолкли было, тем более, что дело казалось решенным: Крылов, по настоянию Строганова, подал просьбу о переводе его в Харьков. А вот теперь Вы пишете, — чего мы все боялись, — что Уваров не согласился на это. Не знаю, что из этого теперь будет. Надобно сказать, что Строганов в этом деле сделал все от себя возможное»¹⁷.

В ноябре Строганов был уволен в отставку, его место занял Голохвастов.

Теперь уже торжествовали близкие Погодину лица. И. И. Давыдов писал Михаилу Петровичу: «Рыцари, храбрившиеся выходом из Университета, по-видимому, остановились! Здесь лишь только ожидали представления об их намерении, чтобы уволить желающих, по пословице: место свято пусто не будет. О переводе Крылова нет и речи, потому что нет никакой для этого причины. Какое детство!»¹⁸.

Однако, как мы узнаем из публикуемого ниже письма Голохвастова Уварову, прошение от оппозиционеров все же последовало. Теперь уже Голохвастову нужно было искать выход из профессорского конфликта. Новый попечитель явно предлагает рассматривать вопрос в рамках служебной субординации. Ему важно, чтобы не было нарушено плавное течение университетских дел — все лекции были дочитаны до конца, а окончательное решение не выглядело бы уступкой горстке смутьянов, претендующих на нравственную оценку происходящего. В результате Редкин, Кавелин и Корш были уволены после окончания зимнего семестра 1848 года. Грановский оставлен, как не выслуживший поло-

¹⁶ Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 386–387.

¹⁷ Цит. по: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 376.

¹⁸ Там же. С. 378.

женного срока за заграничную командировку. Служебные проступки Крылова вообще не были замечены.

Каковы же следствия всего этого конфликта для университета в целом?

Во-первых, это первая коллективная профессорская отставка в России, сопровождавшаяся своего рода манифестом о профессорской этике.

Во-вторых, следствием коллективной отставки стало студенческое поклонение «мученикам ради науки». Именно студенты по-особому прочли разыгравшуюся драму и взяли на вооружение методы молодой профессуры. Фактически, несмотря на видимое поражение западников, у студентов сформировался запрос на профессора нового типа, похожего на Грановского.

В общем крыловская история стоит у истоков профессорского либерализма или академизма как явления университетской жизни. Представители этого движения мечтали о деюрократизации университета, стояли у истоков особых взаимоотношений профессоров и студентов. Для профессоров-академистов было важно, чтобы студенты, страдающие от русской действительности, хотя бы на время — время своего студенчества, почувствовали особый статус университетского человека, свободного от банальностей жизни и ее мелочей, оказались способны на поступки.

Публикуемые ниже черновики писем Голохвастова министру Уварову показывают бюрократический взгляд на проблему, но дают возможность уточнить детали крыловской истории: очерчивают ее хронологические рамки (1846–1848 гг.), показывают ее основные этапы.

Вступительная статья, комментарии Д. А. Цыганкова. Работа по поиску источников и подготовке их к публикации — П. Ю. Наумов. Перевод с французского — А. Ю. Андреев.

№ 1

Confidentielle

Monsieur le Comte,

La réponse confidentielle que Vous m'avez fait l'honneur de m'adresser en date du 1 de ce mois au sujet de M. Коншинъ m'a été remise par M. Balabine. Permettez-moi de Vous offrir l'expression de ma bien sincère reconnaissance des paroles pleines de bonté qu'elle contient à mon égard, et que je serais trop heureux de pouvoir justifier. D'un autre côté ce n'est pas sans un vif regret que j'ai reçu Votre refus à la nomination de M. Коншинъ comme Aide-Curateur. J'ose Vous protester que je n'aurais pas su faire un meilleur choix, et Vous exprimer mon intime conviction que le cercle d'activité du Curateur de Moscou a trop d'importance et d'étendue pour lui laisser courir le risque de toutes les mauvaises chances éventuellement possibles quant à la vie et à la santé d'un seul individu.

Je prends la liberté de joindre cette lettre confidentielle à la présentation officielle que j'ai l'honneur de Vous adresser, Monsieur le Comte, au sujet de la demande en démission des Professeurs Редькинъ, Грановскій, et de l'Adjoint Кавелинъ, et

du rédacteur de la gazette de Moscou Коршъ. Cette retraite simultanée de quatre personnes appartenant à l'Université précisément au moment où elle vient de changer de Chef immédiat, peut se présenter sous un jour entièrement faux. Aussi ces Messieurs en donnant leur démission sont venus m'exprimer formellement que le changement survenu // dans l'administration de l'Université n'entraîne pour rien dans la démarche à laquelle ils se sont vus obligés, disent-ils, ne pouvant pas continuer à servir avec un de leurs collègues, le Professeur Крыловъ, accusé par la voix publique de prévarications dans le service; comme professeur et ci-devant doyen de la faculté de droit, qu'ils avaient demandé à M. le Comte Stroganoff il y a plus d'un an l'élimination de Крыловъ, et que cette élimination n'ayant pas eu lieu, ils auraient donné leur démission bien avant le mois de Janvier de cette année si la chose avait été possible.

Vous voudrez bien Vous rappeler, Monsieur le Comte, que lors de Votre dernier séjour à Moscou en 1846, une histoire scandaleuse entre le Professeur Крыловъ et sa femme pour cause de mauvais traitement, avait fait beaucoup de bruit dans la ville. À cette affaire, entièrement domestique, étaient venues se joindre les accusations de péculés dans le service. Comme le rédacteur de la gazette Коршъ, est le propre frère de la femme de Крыловъ, l'Adjoint Кавелинъ le mari d'une autre sœur à elle, Редькинъ et Грановскій leurs intimes amis, Крыловъ de son côté a accusé tous ceux Messieurs d'avoir fait circuler des calomnies sur le compte de son service pour se venger des désagréments de famille. Voilà le texte de ces mécontentements.

M. le Comte Stroganoff avait dit à ces Messieurs que sans ajouter une croyance implicite à ses accusations // qui n'avaient surgi qu'à l'occasion d'un démêlé de famille, il croyait que Крыловъ fortement attaqué par ces accusations, serait lui-même obligé de changer de lieu de résidence et de service et pourrait passer à une autre Université, que pour l'honneur de celle de Moscou il ne croyait pas possible d'accréditer les bruits de ville par l'expression immédiate de Крыловъ, et que dans tous les cas cette expulsion ne pourrait pas être la suite d'une insistance de quelques-uns de ses Collègues.

Quelque décidés que fussent ces Messieurs à donner leur démission, je leur ai aussi exposé toute l'inconvenance de leur démarche, entièrement opposée aux lois du service, qui remettent aux autorités suprêmes et non à la volonté des collègues, de décider du sort de ceux qui doivent être expulsés du service ou y être tolérés. Ils m'ont répondu que leur honneur les obligeait à ne pas changer leur décision, et leur demande ayant été présentée au Conseil m'est parvenue officiellement. Il est notoire d'un autre côté que Грановскій [надписано сверху: indépendamment de cette affaire] à cause du délabrement complet de sa santé et de celle de sa femme, se serait vu obligé à quitter le service et à faire un long séjour à l'étranger.

[зачеркнуто: Si V<ous>

Je prends la liberté de Vous prier, Monsieur le Comte, de vouloir bien me communiquer la décision que Vous jugerez convenable de prendre relativement à cette affaire.]

Si ces Messieurs [надписано: Professeurs] sortent du service, leurs chaires pourront être occupées par intérim, mais serait très important pour que l'enseignement ne cessât point d'être complet qu'elles fussent remplies d'une manière permanente. Je prends la liberté de etc. //

Le Professeur Auvert m'ayant remis une lettre qu'il Vous adresse, Monsieur le Comte, et dont il m'a communiqué le contenu, je me permets en Vous la faisant parvenir d'y joindre ma très instante prière pour faire agréer la demande de M. Auvert, d'autant plus que son ouvrage exécuté à grand frais à Paris promet de faire l'honneur à la science et à l'Université de Moscou, et que S. M. l'Empereur lors de Sa visite à la Clinique de l'Université a daigné témoigner beaucoup de bonté à M. Auvert.

Veillez agréer, Monsieur le Comte, l'hommage du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte,

Votre très obéissant et très dévoué serviteur

D. G.

le 25 Janvier

1848

Черновик подлинного письма. Бумага, чернила. ОПИ ГИМ. Ф. 404 (Голохвастовы). Ед. 56. Л. 86, 86 об., 87, 87 об.

Перевод

Конфиденциально

Ваше Сиятельство¹⁹,

Г-н Балабин²⁰ передал мне конфиденциальный ответ по поводу г-на Коншина²¹, который Вы имели честь мне адресовать²² первого числа сего месяца. Позвольте мне выразить Вам искреннюю признательность за те слова благоволения, которые он содержит в моем отношении и которые я был бы чрезвычайно счастлив иметь возможность оправдать. С другой стороны, не без живого сожаления заметил я Ваш отказ в назначении г-на Коншина помощником попечителя: я осмеливаюсь не согласиться с Вами в том, что я не сумел найти лучший выбор, и хочу выразить Вам мое глубочайшее убеждение в том, что круг деятельности московского попечителя слишком важен и объемен, чтобы подвергать его риску от всевозможных дурных случайностей, которые могут затронуть жизнь и здоровье одного единственного человека.

¹⁹ Дословно: Господин граф! Уваров Сергей Семенович, граф (1786–1855), русский общественный и политический деятель, дипломат, министр народного просвещения (1833–1845).

²⁰ Иван Петрович Балабин (1809 — после 1870), чиновник особых поручений при МНП, был женат на дочери С. С. Уварова — Наталье (1821–1843).

²¹ Коншин Николай Михайлович (1793–1859), чиновник Министерства народного просвещения, директор училищ Тверской губернии. Сотрудничал с П. Д. Голохвастовым при работе последнего с «Домостроем» Сильвестра. С 1849 г. директор 4-й Московской гимназии, затем — директор Ярославского Демидовского лицея (1850–1856). Русский писатель.

²² Из письма Уварова Голохвастову становится понятным, почему министр не рекомендовал Коншина на должность попечителя: «...заняв эту должность, он будет поставлен во главе Совета университета, Цензурного комитета и ряда других административных постов. Он будет находиться лицом к лицу с профессорской корпорацией, что может легко вызвать неудовольствие» (ОПИ ГИМ. Ф. 404 Ед. хр. 83. Л. 42. Об — 43 об. Цит. по: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. М., 2003. С. 367).

Беру на себя смелость присоединить к этому конфиденциальному письму официальное представление, кое я адресую на имя Вашего Сиятельства по поводу просьбы об отставке со стороны господ профессоров Редкина²³, Грановского²⁴, адъюнкта Кавелина²⁵, а также редактора московской газеты Корша. Этот одновременный уход четырех принадлежащих к университету лиц ровно в тот момент, когда университет только что сменил своего непосредственного начальника, может быть представлен в совершенно ложном свете, как бы ни старались эти господа, подавая в отставку, заверить меня формально, что указанное изменение // в управлении университетом ничего не значит для демарша, в котором — как они говорят — они видят свой долг, не в состоянии более служить вместе с одним из товарищей своих, профессором Крыловым²⁶, обвиненным общественным мнением в злоупотреблениях по службе в качестве профессора и бывшего декана юридического факультета, и что они просили уже более года назад у графа Строганова уволить Крылова, и что, поскольку это увольнение не состоялось, они бы направили свои прошения об отставке еще до января месяца сего года, если бы такое было возможным.

Вам не составит труда вспомнить, Господин граф, что еще во время Вашего посещения Москвы в 1846 году много шума в городе наделала скандальная история между профессором Крыловым и его женой²⁷ по причине дурного с ней обращения. К этому совершенно домашнему делу присоединились затем обвинения во взяточничестве на службе. А поскольку редактор газеты Корш²⁸ — родной брат жены Крылова, адъюнкт Кавелин женат на другой ее сестре²⁹, а Редкин и Грановский — их близкие друзья, то Крылов со своей стороны обвинил всех этих господ в распространении клеветы на счет своей службы, чтобы отомстить за семейные разногласия. Вот содержание этих взаимных недовольств.

Господин граф Строганов³⁰ заявил этим господам, что не давая явной веры этим обвинениям //, возникшим лишь на почве семейной ссоры, он считает, что

²³ Редкин Петр Григорьевич (1808–1891), правовед. В 1837–1847 гг. профессор кафедры энциклопедии права Московского университета.

²⁴ Грановский Тимофей Николаевич (1814–1855), историк, преподаватель кафедры всеобщей истории Московского университета (с 1839), с 1845 г. — и. д. экстраординарного, с 1848 г. — и. д. ординарного профессора.

²⁵ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), юрист, общественный деятель. Выпускник Московского университета (1839), сотрудник Министерства юстиции (1842–1843). В 1844–1848 гг. — и. д. адъюнкта по кафедре истории российского законодательства. Сотрудник МВД (1848), начальник отделения канцелярии Комитета министров (1855–1857), профессор гражданского права и философии Санкт-Петербургского университета (1857–1861), профессор гражданского права Военно-юридической академии (1878–1885).

²⁶ Крылов Никита Иванович (1808–1879), юрист, профессор кафедры римского права Московского университета (с 1835), декан юридического факультета (1839–1847).

²⁷ Любовь Федоровна Крылова (в девичестве — Корш) (1820–1897), жена Н. И. Крылова.

²⁸ Корш Евгений Федорович (1810–1897), общественный деятель, публицист. В 1843–1847 гг. — редактор газеты «Московские ведомости», одновременно библиотекарь Московского университета (с 1836). Брат Л. Ф. Крыловой.

²⁹ Антонина Федоровна Кавелина (в девичестве — Корш) (1823–1879), жена К. Д. Кавелина.

³⁰ Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, попечитель Московского учебного округа (1835–1847).

Крылов, сильно уязвленный обвинителями, должен был бы сам сменить свое место жительства и службы и мог бы перейти в другой университет³¹, однако для чести Московского университета граф не считает возможным удостоверить городские сплетни немедленным увольнением Крылова, и что в любом случае это увольнение не могло бы явиться следствием настояний кого-либо из его товарищей.

Как бы ни были эти господа уверены в том, что подают в отставку³², я все-таки выразил им всю непристойность их демарша, совершенно противоположного законам службы, которые возлагают на высшие власти, а не на волю товарищей, определять судьбу тех, кого следует исключать со службы или терпеть на ней. Они ответили мне, что их честь заставляет их не менять своего решения, а их прошение, представленное в Совет университета, направлено ко мне официальным путем. С другой стороны, общеизвестно, что Грановский [надписано сверху: независимо от сего дела] вследствие полного расстройства здоровья своего и своей жены так или иначе находился в необходимости оставить службу и отправиться в долгое заграничное путешествие.

[зачеркнуто: Если Вы]

Если эти господа [профессора] уйдут со службы, их кафедры можно было бы заместить временно, но было бы очень важно, чтобы преподавание сохранялось в той же полноте, как если бы они были замещены на постоянной основе. Беру на себя смелость просить Вас, Господин граф, сообщить мне решение, которое Вы сочтете удобным принять относительно этого дела //

Поскольку профессор Овер³³ передал мне письмо, которое он адресует Вашему Сиятельству и содержание которого он мне сообщил, я позволил себе переслать его Вам, добавляя туда мою настоятельную просьбу удовлетворить прошение господина Овера, тем более, что его произведение, выпущенное с большими расходами в Париже, обещает принести славу науке и Московскому университету, и что Его Величество Государь Император во время своего посещения университетской клиники соизволил засвидетельствовать свое благорасположение господину Оверу.

Примите, Господин граф, уверения в глубоком уважении, с коим имею честь пребывать

Вашего Сиятельства покорнейший и преданнейший слуга

Д. Г.

25 января 1848

³¹ Голохвастов в письме показывает, что Строганов считал, что уход из Московского университета должен был последовать после соответствующего самостоятельного решения Крылова.

³² Этой фразой Голохвастов подвергает сомнению даже факт возможности подачи коллективного прошения.

³³ Овер Александр Иванович (1804–1864), врач, профессор Московского университета по кафедре терапии, директор терапевтической клиники. В 1847 г. при содействии С. Г. Строганова предпринял издание 4-томного медико-хирургического атласа с рисунками. Возможно, Овер просил о посвящении издания императору или помощи для его издания у министра.

Monsieur le Comte,

La lettre confidentielle que Vous m'avez fait l'honneur de m'adresser en date du 1 de ce mois, m'a été remise par M. Balabine. — Permettez-moi de Vous offrir l'expression de ma bien sincère reconnaissance des paroles pleines de bonté qu'elle contient à mon égard, et que je serais trop heureux de pouvoir justifier.

D'un autre côté ce n'est pas sans un sentiment de peine que j'ai reçu Votre refus à la nomination de М. Коншинъ comme Aide-Curateur. C'est un homme de sens et de beaucoup de tête, très avantageusement comme à l'Université de Moscou et dans 1-er arrondissement. Dans un temps où il est [зачеркн: entièrement] impossible de mettre en contact avec des savants un homme entièrement étranger à toute science, il offre l'avantage comme ancien officier de l'artillerie de la garde, d'avoir d'assez bonnes connaissances du mathématiques, il s'est beaucoup occupé d'histoire et d'antiquités Russes, écrit très bien sa langue, et, devenu Directeur d'un gymnase, il a eu le courage d'apprendre le Grec. [зачеркн: Comme] Sa réputation de bon administrateur, et surtout pour la partie des bâtisses, il est si [зачеркн: avantageusement comme] bien établi que le Comte Kleinmichel lui a fait proposer une place de Directeur de Département dans son Administration. Quant aux rapports qu'il pourrait avoir avec les Professeurs, il a trop de prudence et de calme dans son caractère pour faire craindre la possibilité d'un compromis quelconque dans les rares occasions, où il serait appelé à remplacer le [Chef de l'arrondissement] Curateur, et j'ose espérer que sur ce point il penserait comme moi que non seulement un Adjoint nouvellement nommé, mais même un Curateur qui veut remplir sa place [avec dignité] dignement et en pleine sécurité, doit sans trop prendre sur lui se borner dans toutes les affaires importantes ou douteuses au rôles d'intermédiaire entre le Conseil et le Ministère, dans la sagesse et la force duquel il trouvera toujours un valide appui. — Si du reste Votre //

[зачеркн: volonte Dans tou] J'ose en outre Vous exprimer, Monsieur le Comte, mon intime conviction que le cercle d'activité du Curateur de Moscou a trop d'importance et d'étendue pour lui faire courir le risque de toutes les mauvaises chances éventuellement possibles quant à la vie et à la santé d'un seul individu quelconque.

Les [зачеркн: papiers] articles dont j'ai eu l'honneur de Vous parler dans ma première lettre ont été envoyés le 2 Décembre et adressés въ главное правленіе цензуры. Je n'ai pas voulu Vous les adresser, Monsieur le Comte, en mains propres pour ne pas donner à cette démarche par une semblable exception un air d'importance qui me paraissait déplacé. [зачеркн: J'attends Votre réponse et la fin des vacances d'hi<ver> d'après Noël pour donner ce]

Une nouvelle désagréable que je serai bientôt appelé à porter officiellement à Votre connaissance, c'est que les Professeurs Редькинъ et Грановскій et l'Adjoint Кавелинъ ont donné leur démission du service. La veille du jour où ils ont envoyé leurs suppliques au Conseil, ils se sont présentés chez moi pour me déclarer que le changement de Curateur et ma nomination n'avaient aucune influence sur la démarche qu'ils étaient résolus de faire, que des bruits assez répandus et accrédités ayant accusé il y a plus d'un an leur collègue le Professeur Kriloff de prévarications et d'actions peu honorables, ils avaient cru ne pouvoir plus servir avec lui, et avaient demandé à М. le C. Stroganoff

son élimination que [зачеркн: malgré la promesse] cette élimination n'ayant pas eu lieu depuis plus d'un an, ils [обрывается]

Черновик подлинного письма. ОПИ ГИМ. Ф. 404 (Голохвастовы). Ед. 56. Л. 88–88 об. Бумага, чернила.

Перевод

Ваше Сиятельство³⁴,

Г-н Балабин передал мне конфиденциальный ответ по поводу г-на Коншина, который Вы имели честь мне адресовать первого числа сего месяца. Позвольте мне выразить Вам искреннюю признательность за те слова благоволения, которые он содержит в моем отношении и которые я был бы чрезвычайно счастлив иметь возможность оправдать.

С другой стороны, не без чувства сожаления получил я Ваш отказ в назначении господина Коншина помощником попечителя. Это человек исполненный здравого смысла и значительного ума, самым лучшим образом подходящий как для Московского университета, так и для учебного округа. В то время как человеку, совершенно чуждому всяких наук [совершенно] невозможно вступать в контакт с учеными, он обладает тем преимуществом, что как бывший офицер гвардейской артиллерии имеет достаточно хорошие познания в математике, много занимался историей и древностями Российскими, хорошо пишет на родном языке и, став директором гимназии, выказал достаточно мужества, чтобы выучить греческий язык. [Поскольку] Его репутация хорошего администратора, в особенности по части строительства, такова, что граф Клейнмихель³⁵ предлагал ему занять место директора департамента в своем ведомстве. Что же касается сношений, которые он мог бы иметь с профессорами, то у него достаточно благоразумия и спокойствия в характере, чтобы опасаться возможности какой-либо компрометации в тех редких случаях, когда он бы был призван замещать Попечителя [главу округа], и я осмеливаюсь надеяться, что он, как и я, придерживается той точки зрения, что не только новоназначенный помощник, но даже и сам попечитель, который хочет выполнить свою задачу с достоинством и полной надежностью, должен, не слишком полагаясь на себя самого, во всех важных или сомнительных делах ограничиваться ролью посредника между Советом и Министром, в мудрости и силе решений которого он всегда найдет твердую опору. // Я осмеливаюсь, впрочем³⁶, Вам выразить, Господин граф, мое глубочайшее убеждение в том, что круг деятельности московского попечителя слишком важен и объемен, чтобы подвергать его риску от всевозможных дурных

³⁴ По всей видимости, вариант первого письма. Главное отличие заключается в том, что в этом варианте Голохвастов отвечает на возражения Уварова по поводу кандидатуры помощника попечителя. Это означает, что второй вариант письма писался после получения официального ответа Уварова.

³⁵ Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1789–1869), государственный деятель. В 1842–1855 гг. — главноуправляющий путей сообщения и общественных зданий, один из создателей Николаевской железной дороги, соединившей Москву с Санкт-Петербургом.

³⁶ Зачеркнуто: Если же, впрочем, Ваше изволение во всем.

случайностей, которые могут затронуть жизнь и здоровье одного единственного человека.

Статьи³⁷, о которых я имел честь Вам говорить в моем первом письме, отосланы 2-го декабря и адресованы в главное правление цензуры. Я не хотел их адресовать Вам, господин граф, в собственные руки, чтобы не придавать этому демаршу подобным исключением вида особой важности, которой он, как мне кажется, не имеет.

Новая неприятность, которую я вскоре буду обязан представить официальным путем на Ваше рассмотрение, состоит в том, что профессора Редкин, Грановский и адъюнкт Кавелин представили прошения об отставке со службы. Накануне дня, когда они направили свои заявления в Совет, они предстали предо мной, чтобы объявить мне, что смена попечителя и мое назначение не имеют никакого влияния на демарш, который они решились сделать, что, поскольку слухи, вполне распространенные и обоснованные, уже более года обвиняют их товарища профессора Крылова в злоупотреблениях и недостойных поступках, они решили, что не могут более служить вместе с ним, и просили графа Строганова об увольнении того, а поскольку [вопреки обещанию] это увольнение не происходит уже в течение более чем года, они [обрывается]

№ 3

Confidentielle

Monsieur le Comte,

J'ai eu l'honneur de porter officiellement à Votre connaissance que М. М. Редкинъ и Кавелинъ étaient prêts à continuer leur service jusqu'à la fin des examens qui doivent clore le semestre actuel. Je prends la liberté de Vous adresser cette lettre confidentielle pour exprimer relativement à cette affaire des considérations qui ne sauraient trouver leur place dans un papier officiel.

Il n'y a aucun doute sur la culpabilité du professeur Крыловъ, comme sur ce que les abus dont il est accusé comme doyen et professeur, sont de beaucoup antérieurs à l'histoire scandaleuse qu'il a eue avec sa femme, et qui a fait intervenir le public non seulement dans les torts de sa vie privée, mais aussi dans ceux qu'il a eus à l'égard de son service. Tout en rendant justice à son mérite comme savant et professeur utile par son enseignement, je me serais permis de Vous demander, Monsieur le Comte, son élimination immédiate, si de graves considérations ne me faisaient une loi de Vous demander au contraire que cette élimination soit ajournée. Ces considérations sont:

- 1) Que l'enseignement serait interrompu au détriment des Étudiants.
- 2) Que le public se remettrait à parler de choses préjudiciables à l'honneur de l'Université, et dont maintenant il a cessé de s'occuper.
- 3) Que cette élimination serait non pas un acte de justice provenant spontanément de l'autorité supérieure, mais une concession faite à la volonté fortement exprimée de trois collègues, qui ont toléré la présence de Крыловъ, tout depuis longtemps inculpé, aussi longtemps qu'ils n'ont pas eu ... de griefs entièrement personnels. et qui maintenant

³⁷ Зачеркнуто: Бумаги.

veulent faire de son renvoi la condition de leur service ultérieur à l'Université. Une fois l'exemple d'une semblable concession donnée et les démissionnaires.... plus loin il ne serait pas impossible que plus que trois fonctionnaires de l'Université demandassent [à quitter le service de] le renvoi de Редькинъ et Кавелинъ comme condition sans laquelle ils refuseraient de continuer leur service.

Si Грановскій, effectivement malade et incapable de soutenir les fatigues [du service] de l'enseignement oral, obtient sa démission, il pourra être remplacé par Кудрявцевъ qui montre beaucoup de talent. Кавелинъ pourra être remplacé par Калачовъ, un homme extrêmement laborieux et très remarquable par son travail о Правде Русской. Il resterait à trouver successeur à Редькинъ, ce qui ne paraît pas impossible, surtout si le nouveau venu reçoit l'ordre de s'en tenir dans son enseignement à l'exaltant ouvrage du Professeur Неволинъ. Après avoir reçu les renseignements nécessaires sur les Candidats pour cette chaire, j'aurai l'honneur de Vous en soumettre les résultats sans perdre de temps.

J'ai déjà eu l'honneur de Vous demander la nomination à la place de М. Коршъ du facteur actuel de notre typographie Дмитриевъ. J'ose Vous assurer que cet homme, sûr, exact et laborieux, et pas du tout illettré, s'acquittera parfaitement bien de la rédaction quant à la partie politique, qui de rigueur doit être prise des gazettes officielles de P.bourg, et à celle des annonces, à l'envoi exact de la gazette dans les provinces etc., pour les mélanges, qui doivent offrir // aux nombreux lecteurs des articles intéressants et à la fois entièrement étrangers à toutes les questions délicates qui malheureusement ne sont que trop exploitées.. que dans la gazette de Moscou, il y a une allocation de 6000 R. ass. par an, qui me mettrait à même d'avoir des personnes sûres pour fournir toujours des articles originaux et traduits de langues étrangères. — En même temps Дмитриевъ céderait sa place de Facteur à un individu qu'il faudrait prendre d'une des typographies les mieux administrées de Pétersbourg, et qui remettrait la nôtre sur un pied meilleur que celui où elle est à présent. — D'après ces considérations, je prends la liberté, Monsieur le Comte, de Vous demander très instamment la nomination de Дмитриевъ comme rédacteur.

J'aurai l'honneur de Vous adresser incessamment une seconde lettre sur l'élection du Recteur, autre affaire aussi importante que délicate.

Veillez agréer, Monsieur le Comte, l'hommage du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être

Votre très obéissant et très dévoué serviteur.

D. G.

le 27 Février

1848

Подлинник чернового письма. Бумага, чернила. ОПИ ГИМ. Ф. 404 (Голохвастовы).
Ед. 56. Л. 89, 89 об., 90.

Перевод

Конфиденциально

Ваше Сиятельство,

Я имел честь донести официально до Вашего сведения, что господа Редкин и Кавелин готовы продолжить службу до конца экзаменов, которые должны завершить настоящий семестр. Беру смелость адресовать Вам это конфиденциальное письмо, чтобы выразить относительно этого дела размышления, коим не нашлось бы места в официальной бумаге.

Нет никакого сомнения в виновности профессора Крылова, поскольку, что касается злоупотреблений, в которых он обвинен как декан и профессор, многие из них произошли раньше той скандальной истории, которую он имел со своей женой и которая заставила публику вмешаться не только в непорядки его семейной жизни, но также и в те, кои он имел в отношении своей службы. Вполне отдавая справедливость его заслугам как ученого и профессора, полезного своим преподаванием, я бы просил у Вас, господин граф, его немедленного увольнения, если бы серьезные соображения не стали для меня основанием просить у Вас противоположного, а именно, чтобы это увольнение было отсрочено. Соображения эти следующие:

- 1) Преподавание тогда было бы прервано ко вреду для студентов.
- 2) Публика бы тогда вновь пустилась в разговоры о вещах предосудительных для чести университета, тогда как сейчас она прекратила ими заниматься.
- 3) Увольнение это не явилось бы актом правосудия, исходящего непосредственно от высшей власти, но стало бы уступкой, сделанной навстречу желанию, настоятельно выраженному тремя товарищами, которые терпели присутствие Крылова, уже долгое время обвиняемого³⁸, до тех пор, пока оно не коснулось их личных переживаний, и которые теперь желают сделать его отставку условием продолжения своей службы в университете. Лишь только пример такой уступки дан и уходящие в отставку... затем не будет невозможным, чтобы более трех чиновников университета потребовали бы [покинуть службу] отозвания Редкина и Кавелина в качестве условия, без которого они отказываются продолжить свою службу.

Если Грановский, действительно больной и не способный переносить тяготы [службы] устного преподавания, получит свою отставку, его можно было бы заместить Кудрявцевым³⁹, который показывает большие таланты. Кавелина можно заместить на Калачова⁴⁰, человека в высшей степени трудолюбивого и замечательного своей работой о Русской Правде⁴¹. Остается лишь найти преемни-

³⁸ Зачеркнуто: виновного.

³⁹ Кудрявцев Петр Николаевич (1816–1858), историк, профессор кафедры всеобщей истории Московского университета (с 1852).

⁴⁰ Калачов Николай Васильевич (1819–1885), историк русского права, назначен на кафедру истории русского законодательства после ухода Кавелина. В дальнейшем крупный русский архивист.

⁴¹ Магистерская диссертация Калачова — «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды». Защищена в 1846 г. Калачов рассматривался Пого-

ка для Редкина, что не кажется невозможным, в особенности если новопришедший получит приказание придерживаться в своем преподавании выдающегося труда профессора Неволина⁴². Получив необходимые справки о кандидатах на эту кафедру, я имел бы честь сообщить их результаты без промедления.

Я уже имел честь сообщить Вам о назначении на место Корша нынешнего фактора нашей типографии Дмитриева. Осмеливаюсь Вас заверить, что этот человек, надежный, точный и трудолюбивый, ни в коей мере не лишенный образования, справится отличным образом с редакцией как в том, что касается политической части, которую, строго говоря, должно брать из официальных петербургских газет, так и с разделом объявлений и с рассылкой газеты в губернии. Что касается смеси, которая должна предлагать // многочисленным читателям статьи интересные и вместе с тем совершенно чуждые всяким деликатным вопросам, кои, к сожалению, слишком выпячиваются, то у московских ведомостей размещен вклад, дающий 6 тысяч рублей ассигнациями в год, которые позволили бы заполучить надежных людей, чтобы постоянно снабжать газету статьями и оригинальными, и переведенными с иностранных языков. В то же время Дмитриев уступил бы свое место фактора человеку, которого необходимо было бы взять из одной из лучшим образом управляемых петербургских типографий и который бы привел бы нашу в лучший порядок, чем тот, в котором она сейчас находится. — После сих соображений я беру на себя смелость, Господин граф, весьма настойчиво просить Вас о назначении Дмитриева редактором.

Я буду иметь честь незамедлительно адресовать Вам второе письмо по поводу выборов ректора, ибо это дело столь же важное, сколь и деликатное.

Примите, господин граф, изъявления моего глубокого уважения, с коим имею честь пребывать

Ваш покорнейший и преданнейший слуга

Д. Г.

27 февраля 1848

Список литературы

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. Т. 8. СПб., 1894.

Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. М., 2003.

Цыганков Д. А. Упившись винами до бесстыдства... // Родина. 2014. № 9. С. 73–76.

диным как его возможный преемник на кафедре российской истории. Однако, по мнению Погодина, у Калачова не было таланта выступления с кафедры, его лекции были непонятны.

⁴² Неволин Константин Алексеевич (1806–1855), юрист, профессор, затем — ректор университета Св. Владимира в Киеве.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Serii II: Istorii. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2020. Vol. 94. P. 112–130
DOI: 10.15382/sturII202094.112-130

Dmitry Tsygankov,
Candidate of Sciences in History, Associate Professor,
Department of Russian History of the 19th Century
— Early 20th Century Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119992,
Russian Federation;
Senior Researcher,
Laboratory for Social and Anthropological Studies,
Faculty of Historical and Political Studies,
Tomsk State University,
36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian
Federation.
tsdm@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3005-503X

Andrei Andreev,
Doctor of Sciences in History, Professor,
Department of Russian History
of the 19th Century — Early 20th Century,

Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119992,
Russian Federation;
Leading Researcher,
Laboratory for Social and Anthropological Studies,
Faculty of Historical and Political Studies,
Tomsk State University,
36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian
Federation.
andr@hist.msu.ru
ORCID: 0000-001-7075-6637

Pavel Naumov,
Junior Researcher,
Laboratory for Social and Anthropological Studies,
Faculty of Historical and Political Studies,
36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian
Federation.
pavel_fesm_1922@mail.ru
ORCID: 0000-00024353-8711

THE KRYLOV STORY: FORMING THE ETHICS OF PROFESSORSHIP

D. TSYGANKOV, A. ANDREEV, P. NAUMOV
(PUBLICATION, INTRODUCTORY ARTICLE,
COMMENTS AND TRANSLATION)

Abstract: The Krylov story, consequences of which are discussed in the letters of the trustee of Moscow school district Pavel Dmitrievich Golokhvastov to the minister of education, Count Sergei Semenovich Uvarov, can be read at different levels and, depending on this, be subject to various scientific interpretations. One of the first scholars who studied this topic, N. P. Barsukov, considered it to be a private family history, disassociated with the university environment, but, following religious discussions of T. N. Granovsky and A. I. Gertsen in 1845 and 1846, it is regarded to be undermining the unity of the circle of Westerners (Russ. западники). D. A. Tsygankov, on the contrary, sees the conflict around Krylov as a landmark event in the history

of the university which separates the era of the Great Disputes of the 1840s from the Dreary Seven Years («*мрачное семилетие*»). However, no matter how one evaluates Krylov's story, there are practically no studies that would make the chronology of events associated with this conflict more precise. The documents published below, together with documents that have already been made public but not sufficiently studied, allow one to look at this university affair in more detail. The Krylov story began in August 1846 and kept in tension all those involved up to the summer of 1848. This situation demonstrates that the university milieu is extremely conflict-ridden, unpredictable, subject to abrupt changes.

Keywords: Krylov story, university milieu, era of Great Disputes of 1840s, Dreary Seven Years, T. N. Granovskiy.

References

- Levandovskii A. (1989) *T. N. Granovskii v russkom obshchestvennom dvizhenii* [T. N. Granovsky in the Russian public movement]. Moscow (in Russian).
- Petrov F. (2003) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniia v Rossii* [The emergence of the university education system in Russia]. Moscow (in Russian).
- Tsygankov D. (2014) "Upivshis' vinami do besstydstva..." ["Drunk on wine to the point of shamelessness..."]. *Rodina*, 9, pp. 73–76 (in Russian).